

МАКСИМОВИЧ ЖЕЛЬКО

АСТРО, ДОМА, В КОТОРЫХ МЫ ЖИВЁМ

Желько Максимович Астро, Дома, в которых мы живём

<https://litres.ru/74101371>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман погружает читателя в уникальный мир, где архитектура, астрология и личная история переплетаются в магическом, почти мистическом пространстве. Главный герой — архитектор, которому предстоит построить необычное здание: каждая комната соответствует одному из двенадцати домов натальной карты клиента, превращаясь в физическое воплощение астрологических символов.

Читатель вместе с архитектором переживает медитативный процесс создания этих пространств, где каждая деталь несёт значение, а взаимодействие с объектами превращается в исследование внутреннего мира человека. Зеркальные залы, подземные комнаты и движущиеся стеллажи, наполненные письмами и незавершёнными словами, становятся своеобразной «памятью» и отражением того, что не сказано вслух.

Книга исследует границы восприятия, значение слов, ценность материального и нематериального, отношения с прошлым и собой.

Желько Максимович

Астро, Дома, в которых мы живём

Глава 1. Зеркальный зал

21 марта 2024, 03:06. Солнце входит в Овен. Луна в Раке
оппозиция Плутон в Козероге. Асцендент 0° Овна.

Конверт лежал на подоконнике, когда я вернулся домой. Я не слышал, как его подложили — дверь была заперта, почтовый ящик пустой, — но он был здесь, плотный, серовато-белый, чуть влажный на ощупь, как бумага, которую долго держали в руках. Обратного адреса не было. Моего имени тоже. Только -архитектору- — одним словом, без заглавной буквы, почерком мелким и ровным, будто написанным под линейку.

Я разрезал конверт ножом для бумаги. Внутри оказалась калька, сложенная в восемь раз. Я развернул её на столе, придавил углы пепельницей, стаканом с холодным чаем, ещё двумя тяжёлыми предметами, которые попались под руку. Настольная лампа бросала жёлтый конус. В нём чертёж ожил

— не метафорически, не как говорят -ожилась мысль-, а буквально: линии казались натянутыми, под напряжением, как струны, которые тронул кто-то невидимый. Двенадцать комнат, расположенных по кругу, двенадцать секторов, как циферблат часов или сегменты апельсина, или знаки зодиака на астрологической карте, которую мне однажды показала мать и которую я тогда посчитал суеверием.

Первая комната обозначалась -Зеркальный зал. Асцендент. Я есть-. Слова были написаны тем же ровным почерком, и я подумал: человек, который пишет так аккуратно, знает, что говорит. Или хочет, чтобы ему верили.

Я долго стоял над чертежом. В квартире было тихо, только холодильник время от времени включался с тихим щелчком. За окном шёл мелкий дождь, весенний, без запаха, как вода из-под крана. На улице не было никого.

В десять минут первого зазвонил телефон. Незнакомый номер, московский, но знакомый.

— Вы архитектор?

Голос был молодым — не юным, а именно молодым, как бывает у людей, которые ещё не обросли навыком скрывать усталость. Я сразу понял: он долго не спит. Не эту ночь, а

много ночей подряд. Голос истончился, как ткань на сгибе.

— Да.

Пауза. Дождь барабанил по подоконнику снаружи.

— Я хочу прожить свою карту физически. Вы поймёте, когда увидите место.

— Чью карту?

— Свою. Натальную. Двенадцать домов гороскопа. Каждая комната — один дом. Я хочу пройти через все.

Я мог бы сказать -нет-. Я мог бы сказать, что это не архитектура, что это терапия или художественная инсталляция, или, откровенно говоря, психиатрия. Но чертёж лежал у меня на столе. Он пришёл до звонка. Это остановило меня больше, чем сам разговор.

— Когда приезжать?

— Завтра утром. Рано. До того, как Солнце поднимется.

Он продиктовал адрес — окраина, я плохо знал тот район. Повесил трубку прежде, чем я успел переспросить имя.

Я спал плохо. Снилось вода — та же чёрная, без дна, без берегов, — и где-то под ней, далеко, светился прямоугольник. Дверной проём, видимо. Или окно. Я плыл к нему, но расстояние не сокращалось. Проснулся в полчетвёртого. Лежал, слушая дождь. Потом встал и снова пошёл к столу.

Чертёж изменился.

Я не мог этого доказать. Может быть, не разглядел сразу. Но я почти был уверен: в углу первой комнаты появилась дата, которой не было вечером. Двадцать первое марта. День весеннего равноденствия. Ноль градусов Овна. Точка, с которой астрологи ведут отсчёт зодиака. Точка, после которой день становится длиннее ночи.

Я сделал кофе, который не выпил, оделся, вышел.

Метро ещё не работало. Я взял такси. Водитель дремал под тихое радио, я смотрел в окно на пустой город — серый, влажный, ещё не решивший, наступил день или всё ещё длится ночь. На Садовом кольце мы простояли несколько минут: поломанный светофор мигал жёлтым. Потом поехали дальше.

Участок находился там, где асфальт заканчивается и на-

чинается земля. Не резко, не обрывом — постепенно, как фраза, которая затихает, не найдя слова. Последние дома квартала стояли усталые, с тёмными окнами. Потом забор из профнастила, потом ещё один, потом гаражи. Потом — поле. Ровное, открытое, как натянутый холст. Мартовская земля почернела от ночного дождя, но кое-где ещё лежал серый снег, слипшийся, ноздреватый, похожий на пену.

Клиент стоял у калитки — вернее, у места, где должна была быть калитка: столбы без ворот. Худой мужчина лет тридцати, может тридцати двух. Чёрное пальто, явно не по сезону — лёгкое, без подкладки, — стояло на нём как на вешалке. Руки в карманах. Голову чуть наклонил набок, когда увидел меня, словно рассматривал.

Я подошёл ближе. Тогда и увидел глаза. Один карий — тёмный, почти чёрный, — другой серый, светлый, как вода в пасмурный день. Гетерохромия. Редкое. Но дело было не в редкости: дело было в том, что два глаза смотрели с разной скоростью. Карий — прямо, внимательно. Серый — немного мимо, чуть вдаль, будто отслеживал что-то, чего я не видел.

Он не поздоровался.

— Каждая комната — дом гороскопа. Первая — моё лицо. То, как меня видят другие. Маска, которую я ношу, и то, что

под ней. Вы постройте мне лабиринт, где я смогу встретить себя.

— Это не лабиринт, — сказал я. — По чертежу — это круговая планировка. Без тупиков.

— Лабиринт — это не про тупики. — Он уже шёл к центру участка, не оглядываясь. — Лабиринт — это про то, что путь скрыт. Даже когда он открыт.

Земля под его ногами темнела иначе, чем вокруг. Я заметил это, только когда он прошёл несколько шагов: след оставался темнее, влажнее, будто почва под ним сжималась, впитывала тень. Я остановился и посмотрел на собственные следы. Обычные. Серые, с вдавленной травой.

— Двадцать восемь дней на комнату, — бросил он, уже на середине поля. — Следуя за Луной. Она знает путь.

Луна, подумал я. Сегодня — Луна в Раке оппозиция Плутон в Козероге. Я знал это потому, что ночью, не найдя сна, открыл приложение с эфемеридами. Не из интереса к астрологии — просто искал, чем занять руки. Оппозиция: два тела по разные стороны, натяжение, противостояние. Рак — дом, семья, нутро. Козерог — структура, власть, скелет. Между ними — полная Луна, если она случается в эти дни, или про-

сто напряжение, никуда не разряжающееся.

— Двадцать восемь дней на комнату — это больше трёх лет, — сказал я вслух.

— Триста тридцать шесть дней. Чуть меньше. Не три года — один лунный год. Тринадцать лунных месяцев.

— Тринадцать. Но комнат двенадцать.

Он остановился. Обернулся. Первый раз за всё время.

— Тринадцатая возникнет сама, — сказал он. — Когда пройдёшь двенадцать.

Я не сказал ничего. Что здесь было говорить? Что это невозможно, что это не архитектура, что я не понимаю задания? Я не понимал. Но конверт пришёл раньше звонка. Дата появилась ночью. И я стоял на промёрзшем поле в четыре утра первого дня весны, и это тоже было фактом, требующим объяснения.

Он указал рукой в центр поля.

— Фундамент — здесь. Первая комната — на восток. Вход смотрит на точку восхода в день равноденствия.

Я посмотрел на восток. Небо уже светлело — узкой серой полосой над линией горизонта. Солнце ещё не взошло, но уже давало знать о себе. Нулевой градус Овна. Точка начала.

Он ушёл, не попрощавшись, как пришёл — не поздоровавшись. Я остался один на поле. Постоял. Потом вытащил рулетку и начал замерять.

Участок был ровным, чуть больше, чем казалось на чертеже. Почва промёрзла сантиметров на двадцать — достаточно, чтобы бурить только с техникой. Я записывал цифры в блокнот, ходил по полю, смотрел под ноги. Трава была старая, серая, прибитая зимой. Кое-где торчали стебли прошлогоднего сорняка. Ничего примечательного. Обычная городская окраина, каких много.

Только в одном месте — в самом центре, там, где он остановился и сказал -фундамент здесь-, — земля была другой. Не темнее, нет, при дневном свете разницы не было видно. Но я наступил туда и почувствовал: мягче. Не рыхлая — мягче, как будто под верхним слоем что-то уступало. Я присел, надавил ладонью. Обычная земля. Сырая, холодная. Но под ней — ощущение пустоты, как бывает над старым подвалом.

Я отметил точку в блокноте. Поставил флажок из прутика. Пошёл обратно к остановке.

Когда я вернулся домой, на столе лежала моя натальная карта.

Не чертёж клиента — другая бумага, поплотнее, желтоватая от времени, распечатанная на принтере с уже выцветшими чернилами. Я заказал её лет десять назад, из любопытства, после того как один знакомый увлёкся астрологией и всем вокруг предлагал сделать разбор. Получил по почте, прочитал, не понял почти ничего, убрал куда-то. Не помнил куда.

Сейчас она лежала на столе, поверх чертежа клиента. Асцендент в Овне. Луна в четвёртом доме. Сатурн на пороге седьмого, в шестом, но близко к кuspиду. Солнце в Рыбах — последний знак перед Овном, последний дом перед первым, конец перед началом.

Я не помнил, откуда она взялась здесь, сейчас.

Я мог, конечно, предположить обычное: нашёл и забыл, что нашёл. Мозг делает такое. Особенно когда не спишь. Я не спал нормально уже третью ночь — что-то давило за грудиной, не боль и не тревога, а что-то без имени, мешавшее

выдыхать до конца.

Но конверт пришёл раньше звонка.

Я сидел над двумя картами — своей и чертежом клиента — и пытался найти разницу. Структура одинаковая: двенадцать секторов, круг, оси. Но наполнение разное. В его чертеже — архитектура, линии, площади, пропорции. В моей карте — планеты, градусы, аспекты. Два языка об одном и том же пространстве.

Асцендент в Овне — первый дом, начало, маска, которую мир видит. В его чертеже первая комната называлась -Я есть-. Два слова — утверждение существования. Самое простое и самое невозможное.

Я положил обе бумаги рядом. Они лежали точно, как если бы один наслоился на другой — зеркало и отражение, и непонятно, где что.

Строительство я начал через три дня. Завёз геодезистов, разметил ось, вызвал буровую — фундамент пришлось сваевым, земля под полем оказалась неожиданно сложной: торф перемежался с глиной, уровень грунтовых вод высоковат для марта. Клиент не приезжал. Не звонил. Я сохранил его номер в телефоне под именем -Клиент (12 комнат)- и перечи-

тал это несколько раз. Дурацкая запись. Но другого имени у меня не было.

Рабочие приходили в семь. Уходили в шесть. Дни стали длиннее — равноденствие сделало своё: каждые сутки прибавляли по несколько минут. Я замечал это. Вечером, когда закрывал планшет с чертежами, небо за окном было ещё светлым, и это казалось неправдоподобным — как будто кто-то передвинул выключатель, пока я не смотрел.

По ночам я изучал астрологию. Не потому, что поверил — потому что иначе не мог понять задание. Архитектор не строит, не зная назначения здания. Двенадцать домов гороскопа оказались старой системой описания жизни: первый — личность, второй — имущество, третий — коммуникация, четвёртый — корни. Дальше — дети и творчество, служение, партнёрство, смерть и наследство, путешествия и вера, социальный статус, дружба, растворение. Колесо. Не линия.

Асцендент — точка горизонта в момент рождения. Знак, который восходил, когда ты появился на свет. Первый дом. Маска. Не фальшь — просто то, что снаружи. То, что мир видит раньше, чем ты успеваешь что-то сказать.

Я перечитал описание Овна на Асценденте. -Прямота. Инициатива. Нетерпение. Тело как инструмент. Энергия,

ищущая выхода. Часто рождается в сложных обстоятельствах. Жизнь начинается с усилия-.

Жизнь начинается с усилия. Это было похоже на правду, хотя я не знал, на чью.

На восьмой день работ, под вечер, когда рабочие уже разъехались и я один обходил площадку, проверяя, правильно ли стоят опалубочные щиты, я услышал шаги. Обернулся.

Клиент стоял у края площадки. Всё то же чёрное пальто. Лицо немного другое — не то, чтобы постарело, но сузилось. Щёки запали. Серый глаз двигался иначе, чем карий: карий смотрел на меня, серый — на что-то сбоку, чего я не видел.

— Вы могли бы позвонить, — сказал я.

— Я не знал, что вы здесь.

— Я здесь каждый день.

— Я знаю.

Пауза. Он смотрел на опалубку. На разметочные колышки. На ещё незастывший бетон в угловых блоках.

— Первая комната — зеркальный зал, — сказал он. — Стены должны быть зеркальными. Не все — только восточная и западная. Север и юг — матовые, белые. Чтобы отражение было, но не бесконечным. Бесконечное отражение — это не про первый дом.

— А про какой?

— Про двенадцатый. Там — бесконечность. В первом — просто образ. Контур. То, что можно назвать собой, ещё не зная, правда ли это.

Он говорил спокойно, ровно, как говорят о вещах, которые давно решены.

— Как вас зовут? — спросил я.

Долгая пауза.

— В первом доме имя не важно. Первый дом — про образ до имени. Потом скажу.

— Я должен выставлять счета кому-то.

Он достал из внутреннего кармана сложенный лист. Реквизиты. Я развернул. -ИП Леонов А.В.-. Значит, Леонов.

— -А.В.- — это Александр?

— Алексей. Но в этом доме — нет имени. Договорились?

Я не понял, почему согласился. Но кивнул.

Он постоял ещё немного, глядя на площадку. Потом сказал:

— Луна сегодня на куспиде четвёртого дома. Входит в свой знак. Это хорошо для фундамента. Корни держатся.

— Вы верите в это?

— Я не верю. Я наблюдаю. Это разные вещи.

Он повернулся и пошёл. Земля под ним снова темнела так же, как в первый день, — чуть глубже, чуть плотнее, будто он нёс с собой лишний вес, невидимый.

К двадцать первому апреля первая комната была готова вчерне. Не отделана, но стоящая: стены, потолок, пол, окна в нужных местах. Восточная стена и западная ждали зеркал. Я заказал их у стекольщиков — большие, пол до потолка, с антибликовым покрытием, которое давало отражение немного

более тёплым, чем реальность.

Я пришёл, когда их только повесили. Рабочие ещё собирали инструменты. Я встал посередине комнаты.

В восточном зеркале — я. В западном — тоже я. Между ними — расстояние, не такое большое, чтобы отражения множились до бесконечности, как в парикмахерских. Просто одно отражение позади другого, и ещё одно, и ещё — но быстро теряющиеся в полумраке, потому что зеркала были чуть под углом, специально. Клиент сказал: не бесконечное. Только образ.

Я смотрел на себя. Сорок один год. Усталое лицо — не стариковская усталость, а другая, та, что накапливается не от лет, а от привычки не замечать себя. Волосы короче, чем я помнил. Плечи немного ниже правого. Нижняя губа — если присмотреться — чуть асимметрична. Всё это было моим, и всё это было чужим — как становится чужим своё лицо, если смотреть слишком долго.

-Первый дом — моё лицо. То, как меня видят другие-.

Я думал: а как меня видят? Архитектором? Хорошим специалистом? Тихим человеком? Клиент сказал — маска. Не обман. Просто контур.

Солнце к тому времени ушло за западную стену, и зеркало там потемнело, отражая уже не меня, а серый прямоугольник окна. Я вышел. Закрыв за собой дверь.

Снаружи — поле. Ещё пустое. Одиннадцать секторов, которых ещё нет.

Я достал блокнот и написал в нём первое и последнее, что запишу в этом проекте от первого лица: -Я начал строить-.

Потом зачеркнул -начал-. Оставил только: -Я строю-.

Глава 2. Сокровищница пустых сейфов

18 апреля 2024, 14:22. Солнце в Тельце, Венера соединение Юпитер в Тельце. Прогрессивная Луна входит во 2-й дом.

Запах пришёл раньше, чем я открыл дверь.

Не резкий — не краска, не штукатурка, не строительная пыль, хотя всё это тоже присутствовало. Что-то под ними. Что-то старое, словно вторую комнату возвели не из нового материала, а нашли где-то и перенесли сюда целиком — из другого здания, из другого десятилетия. Запах дерева, дол-

го хранившего тепло, и под ним — металл, сухой, чуть кислотатый. И ещё что-то неопределимое, то, что я потом, прокручивая в голове, назвал запахом денег, хотя деньги сами по себе не пахнут, пахнет то, что к ним прикасалось: руки, карманы, кожа бумажников, время.

Я стоял на пороге и не входил примерно с минуту. За это время рабочие, заканчивавшие соседний сектор, дважды прошли мимо меня с досками. Никто ничего не сказал — привыкли, что я иногда останавливаюсь и смотрю. Они думали, наверное, что я считаю что-то. Проверяю геометрию. Архитектор и должен останавливаться и смотреть, это входит в профессию.

Я считал запах.

Внутри было светло — три окна, северное и два боковых. Клиент настоял на северном свете: -Второй дом — про ценности, а не про витрину. Тут нужен свет без теней, но и без блеска-. Я возражал с инженерной точки зрения — северные окна холоднее, потери тепла выше. Он кивнул, как будто я сказал что-то банальное, и повторил: -Северный-. Мы сделали северный.

Стены были обшиты дубовыми панелями. Не тонким шпоном поверх фанеры — настоящими панелями из масси-

ва, каждая в ладонь толщиной, тёплого орехового цвета, с живым рисунком волокна. Я провёл пальцем по стыку. Плотное. Без зазора. Плотнее, чем я заказывал.

В углах стояли сейфы. Четыре — по одному в каждом углу — и пятый в центре, больше остальных, на уровне пояса. Угловые были встроены в панели, почти незаметны, если не знать. Центральный стоял отдельно, на низком деревянном постаменте, как алтарь или выставочный предмет. Ручки золочёные — не золото, понятно, латунь с покрытием, но покрытие хорошее, тяжёлое, без дешёвого блеска.

Я подошёл к первому угловому сейфу. Дверца была чуть приоткрыта — не взломана, просто не закрыта до конца, как бывает, когда замок сделан добротнo и механизм нуждается в усилении. Я потянул ручку.

Внутри: пыль на дне, ровным слоем, как серый бархат. И поверх пыли — засохший цветок лаванды. Один стебель. Полностью обесцвеченный, почти белый, удерживающий форму только потому, что воздух в сейфе был сухим. Я поднёс к носу — запах исчез давно, если и был. Просто форма, из которой ушло содержание.

Второй сейф: ключ. Обычный, квартирный, из тех, что штампуют в киосках. На нём не было бирки. Я взял, покру-

тил. Никаких пометок, никаких номеров. Я положил обратно.

Третий: фотография. Снимок на плотной матовой бумаге, формат примерно десять на пятнадцать. Женщина лет тридцати пяти — сорока. Тёмные волосы, короткие. Снята вполоборота, смотрит не в камеру — куда-то вбок и чуть вверх, будто отвечает на вопрос или прислушивается. Лицо незнакомое, и в то же время что-то в нём было — не узнавание, а другое: ощущение, что ты это видел. Не её, не это лицо — это выражение. Эту особую рассеянную сосредоточенность.

И тут я понял, что чувствую запах. Не с фотографии — запах так не работает. Но что-то в мозгу зацепилось: ваниль и дождь. Не -мне кажется, здесь пахнет- — просто воспоминание, без источника. Как бывает, когда видишь незнакомую улицу и понимаешь: я был здесь, но не помнишь когда.

— Вы нашли, что хотели найти?

Я обернулся. Клиент стоял в дверях. Я не слышал, как он вошёл. За эти недели я успел привыкнуть, что он появляется без шагов, без скрипа половиц, без звука открываемой двери — но привыкнуть не значило перестать вздрагивать.

Он был заметно бледнее, чем месяц назад. В первый день

— в марте, на поле — у него была бледность человека, не высыпавшегося хронически: сероватая, с синевой под глазами. Сейчас — другая. Прозрачная почти. Свет из северных окон падал на него и как будто не задерживался, шёл дальше.

Пальто повисало на плечах иначе. Раньше оно было велико — теперь казалось, что плечи стали уже. Клиент похудел за апрель.

— Вы болеете? — спросил я.

— Я умираю с момента рождения. — Пауза. — Как и вы.

Это могло быть философией, а могло — ответом. Я не стал уточнять.

Он прошёл мимо меня к центральному сейфу. Не открывая, провёл ладонью по поверхности — медленно, от верхнего угла к нижнему, как проверяют температуру.

— Второй дом — это ценности, — сказал он. — Не деньги. Деньги — только одна из форм. То, что мы считаем своим. То, что держим, потому что боимся потерять.

— И что вы хотите держать здесь?

— Ничего. — Он обернулся. Карий глаз — на меня. Серый — мимо, чуть в сторону сейфа. — Тельцу нужно научиться, что обладание — иллюзия. Это самый трудный урок второго дома. Потому что Телец по природе своей — накопитель. Он знает ценность. Он умеет ценить. Но иногда ценность превращается в груз.

Я посмотрел на фотографию в своей руке. Всё ещё держал. Положил обратно в сейф, не понимая, почему взял.

— Смотрите, — сказал он.

Он подошёл к боковой стене и провёл рукой по стыку между двумя панелями. Нажал в определённом месте — я не увидел, где именно — и панель сдвинулась. За ней оказалось зеркало. Не маленькое — во всю высоту панели, от пола до карниза. Он сдвинул следующую панель. Ещё зеркало. И ещё.

Я понял, что вся стена — зеркала. Панели были только на петлях, спереди. За каждой — отражающая поверхность. Когда все панели открылись, комната удвоилась, утроилась. Пять сейфов стали десятью, двадцатью. Я стал двадцатью собой, и все смотрели в разные стороны, и у всех в руках было что-то, чего я не замечал — пока не увидел в отражении: я держу фотографию. Та, что я якобы положил обратно. Она

была у меня в руке.

Я положил её. На этот раз — на постамент центрального сейфа.

— Мы владеем только тем, от чего готовы отказаться, — сказал клиент тихо, как говорят о вещи, которую уже не нужно доказывать.

Он ушёл через двадцать минут. Сказал только, что вернётся в конце месяца. Не объяснил, что я должен делать двадцать восемь дней в этой комнате, — и тем не менее я понял, что должен приходить. Каждый день. Это было понятно, как бывает понятно без слов, что встреча состоится, даже если время не назначено.

Рабочие закончили смежный сектор к двадцать второму апреля и перешли дальше, к третьему. Я ходил проверять — утром на третий сектор, потом возвращался во второй. Сидел. Смотрел. Ходил от сейфа к сейфу, открывал, закрывал.

Первые несколько дней я не трогал содержимое. Просто смотрел. Засохший цветок лаванды. Ключ от неизвестной двери. Фотография — она перебралась обратно в свой сейф, третий угловой, хотя я её не перекладывал. Четвёртый угловой был пуст совсем, даже пыли не было. Центральный —

закрыт.

Я пробовал открыть центральный. Ручка поворачивалась легко, механизм не сопротивлялся, но дверца не двигалась. Не заперта — просто не открывалась. Как будто внутри держит что-то тяжёлое.

На пятый день я положил в первый угловой сейф — тот, с лавандой — визитную карточку. Свою. Имя, телефон, должность: -архитектор-. Утром визитки не было. Лаванда осталась.

Я положил монету. Монету унесло.

Записку. -Проверка-. Ушла.

Тогда я начал класть каждый день что-то из карманов. Не специально выбирая, просто вытряхивал — что было: талон на парковку, пустой стержень от ручки, чек из супермаркета. К следующему утру — чисто. Только лаванда в первом, ключ во втором, фотография в третьем. Четвёртый — всегда пустой. Центральный — закрыт.

На восьмой день я попытался взять ключ из второго сейфа и унести домой. Положил в карман куртки. Когда вечером выворачивал карманы над раковиной — ключа не было. Я

не помнил, чтобы его ронял.

Запах в комнате менялся.

Я понял это не сразу, а примерно на второй неделе. С утра он был одним — дерево, металл, немного пыли. Ближе к полудню, когда солнце поднималось и давало косо́й свет в боковые окна, появлялось что-то ещё. Теплее. Органичнее. Что-то, что я бы назвал -жилё-, если бы слово это не было таким расплывчатым. Запах обитаемости.

Я начал думать о своей квартире. Что в ней пахнет? Я не знал. Человек не чувствует запах собственного дома — обоняние адаптируется. Это знают все, но обычно не думают об этом.

Что я держу? Физически: мебель, книги — немного, в основном технические, — одежда, инструменты, компьютер. Ничего лишнего. Я привык переезжать раз в несколько лет и каждый раз выбрасывал то, что накопилось. Коллеги иногда говорили: ты живёшь как временно. Я отвечал: все живут временно. Они смеялись. Я не смеялся.

Что я держу нематериально? Я долго сидел с этим вопросом в пустой комнате с открытыми зеркалами за панелями, и зеркала множили меня, думающего, и все мои отражения

тоже, видимо, думали. Привычки. Маршруты. Способ раскладывать чертежи — всегда слева направо, всегда по масштабу. Манеру отвечать на звонки — второй гудок, не первый и не третий. Что ещё.

Женщину я не держал. Никакую конкретную. Было несколько — давно, по-разному — и каждый раз заканчивалось не разрывом, а растворением. Я не замечал, как они уходили, потому что, кажется, не замечал достаточно, пока они были. Это не вина и не добродетель — просто особенность. Как разноцветные глаза. Просто так устроен.

Фотография в третьем сейфе смотрела вбок. Я смотрел на неё. Ваниль и дождь.

На пятнадцатый день в комнату зашёл кто-то из рабочих — Гриша, молодой парень, занимавшийся проводкой в третьем секторе, — попросил рулетку. Я протянул. Он огляделся, свистнул негромко.

— Богатая комнатуха. Чья?

— Клиента.

— А сейфы — настоящие?

— Настоящие.

— Что внутри?

— Ничего, — сказал я.

Гриша пожал плечами — пустые сейфы были для него странностью, но не загадкой, богатые люди делали и не такое — и ушёл.

Я остался один. Смотрел на четвёртый сейф — всегда пустой. Думал: а что он ждёт? Для чего оставлен. Телец учится отпускать — это он сказал. Но четвёртый угловой никогда ничего не держал. Отпускать нечего.

Может быть, это и есть урок четвёртого: не всякое место должно быть заполнено. Иногда пустота — не потеря, а намерение.

Я сел на пол в центре комнаты — постамент центрального сейфа был рядом, я оперся спиной о деревянный бок. Холодный, несмотря на апрельское солнце снаружи. Металл держит холод.

Что я хотел бы положить сюда и забыть? Этот вопрос пришёл сам, без усилия. Привычку откладывать. Страх перед те-

лефонным звонком, когда звонят незнакомые номера — хотя я на него отвечаю, всегда отвечаю, но всегда с секундной паузой внутри, пока рука поднимает трубку. Воспоминание об отце — не конкретное, а общее, ощущение его присутствия в комнате, которое у меня есть даже сейчас, через двенадцать лет после его смерти, — тяжёлое, сложное, не ужасное, но неудобное, как камень в ботинке, к которому привыкаешь и перестаёшь замечать, а когда снимаешь — удивляешься, что ходил.

Я мог бы положить всё это сюда. Положить и уйти. И к утру — ничего.

Я не встал. Не открыл ни одного сейфа. Просто сидел.

Прогрессивная Луна двигалась. Я не видел этого, конечно, — прогрессированная Луна не видна глазом, это математическая точка на карте, производная от реального движения. Один день жизни равен одному году прогрессии. За двадцать восемь дней Луна проходит через градусы — медленно, почти незаметно, но системно. Она входит во второй дом и занимает его. Что это значит практически, я всё ещё не понимал до конца. Но по ночам, перечитывая эфемериды и астрологические тексты, которые теперь были у меня в планше-

те, я находил одно описание, возвращавшееся в разных формулировках: -Луна во втором доме активирует потребность в безопасности через обладание. Человек ищет стабильности в материальном. Параллельно — риск чрезмерной привязанности-

Тяжесть на затылке появилась примерно на третьей неделе. Не физическая — не мышечная. Что-то вроде пристального внимания сзади. Я оборачивался. Никого. Зеркала за открытыми панелями множили комнату, и в каждом зеркале было другое зеркало, и в том — ещё одно. Пустые сейфы, отражённые до горизонта.

Я нёс с собой всё меньше. Сначала перестал брать мелочь — монеты всё равно исчезали. Потом убрал из карманов ненужные карточки: скидочные, от парковок, просроченные. Потом заметил, что перестал носить портмоне. Клад в карман только телефон, ключи и одну карточку. Этого хватало.

На двадцать второй день я поймал себя на том, что вышел из дома, не взяв ничего. Дошёл до лифта и вернулся только потому, что в метро нужна карточка. Снова прошёл мимо — без ощущения потери. Как будто карманы были правильного размера только тогда, когда пустые.

Он пришёл в двадцать восьмой день, ровно в полдень, ко-

гда Солнце — в Тельце, в соединении с Венерой, как было предсказано в эфемеридах — стояло в верхней точке. Северные окна давали холодный ровный свет. Панели были закрыты — я закрывал их каждый вечер, открывал каждое утро, не зная зачем, просто это казалось правильным. Ритуалом.

Клиент вошёл и остановился посередине. Огляделся медленно. Я не мог понять, что он смотрит — комнату или что-то в ней, мне невидимое.

— Вы открывали сейфы? — спросил он.

— Да.

— Что клали?

— То, что было в карманах.

— И?

— Исчезало.

Он кивнул. Не удивившись — как будто это входило в план.

— Что вы поняли за этот месяц? — спросил он.

Я подумал. Не быстро — по-настоящему подумал, стоя в комнате, где пахло деревом и металлом и неопределимым запахом ценности без содержания.

— Что я ношу с собой меньше, чем думал. И что это не ощущается как потеря.

— Это первое, — сказал он. — А второе?

— Что некоторые вещи, которые я считал своими, никогда не были моими. Просто были рядом достаточно долго.

Он посмотрел на меня. Карий глаз — внимательно. Серый — в сторону центрального сейфа.

— Второй дом учит: ценность не в обладании. Телец боится этого урока, потому что понимает ценность лучше всех. Он знает, что золото — золото, а пыль — пыль. Но именно поэтому он так сильно держится. Знание ценности превращается в страх потери.

Он достал из кармана пальто связку ключей. Не одну — ключей было много, они висели на простом металлическом кольце, разных форм и размеров. Квартирные, замочные, автомобильные — хотя машины у него, судя по всему, не было,

— несколько мелких, от чего-то, чего я не узнал.

Он подошёл к центральному сейфу. Положил связку на постамент. Нажал на рукоять — и дверца открылась. Легко, без усилия, как будто всё это время была незапертая, просто ждала.

Внутри — пусто. Как четвёртый угловой. Как то, что бывает до того, как что-то появится.

Он положил связку внутрь.

— От какой двери? — спросил я.

— От всех.

Он закрыл дверцу. Нажал рукоять. Щелчок. Я попробовал — рукоять не двигалась.

— Все ключи...

Он положил связку внутрь.

— От какой двери? — спросил я.

— От всех.

Он закрыл дверцу. Нажал рукоять. Щелчок. Я попробовал — рукоять не двигалась.

— Все ключи, которые у меня когда-либо были, — сказал он, не глядя на сейф. Смотрел в сторону окна, туда, где вечерний свет падал косо, почти горизонтально, делая пыль в воздухе видимой. — От квартир. От машин. От чемоданов, которые я потерял. От кабинетов, в которых больше не работаю. От домов, которые сгорели или снесли. Один — от почтового ящика матери. Она умерла в феврале. Ящик я так и не открыл.

Я молчал. Связка была тяжёлой — я видел это по тому, как провисла его рука, когда он её держал. Много ключей. Слишком много для человека тридцати с небольшим лет.

— Второй дом — это не про деньги, — сказал он, наконец повернувшись. Карий глаз остановился на мне, серый скользнул мимо. — Хотя все думают, что про деньги. Это про то, чем мы себя определяем. Что говорим себе: вот это моё, значит, я существую. Понимаете?

— Не совсем.

— Телец — знак земли. Он держится за вещественное.

Это не жадность — это страх. Если у меня нет ничего, что я могу потрогать, — есть ли я вообще?

Он сказал это без патетики, как говорят о погоде. Констанция. Я вспомнил вдруг свой отец — как он до последнего держался за старую дачу, рассыпавшуюся, требующую денег и сил, которых не было. Продать не мог. Просто не мог. Я никогда не понимал — зачем. Теперь подумал: может, понимал. Просто называл, другими словами.

— И что происходит, когда сейф заперт? — спросил я.

— Это и есть урок. — Он развернулся и пошёл к выходу. — Завтра всё, что вы оставите в комнате, исчезнет. Проверьте карманы перед уходом, если хотите что-то сохранить.

Дверь за ним закрылась без скрипа.

Я огляделся. Сокровищница выглядела иначе в сумерках — дубовые панели потемнели, золотые ручки сейфов перестали блестеть. Запах изменился: не деньги и дерево, а что-то более старое, более глубокое. Земля после дождя. Или подвал. Или то, чем пахнут вещи, когда их долго не трогают.

Я вытащил из кармана всё, что там было. Телефон. Рулетку. Огрызок карандаша. Два чека из кофейни — один за три

дня до этого, один за неделю. Монеты. Визитка кого-то, чьё имя я уже не помнил.

Положил обратно.

Вышел на улицу, в апрельский холод, под небо, которое уже не светилось, но ещё не стало чёрным — только тёмно-синим, как чернила, разбавленные водой. Луна висела над полем, почти полная, немного расплывчатая в дымке. Прогрессивная Луна входила во второй дом. Я чувствовал это не разумом — чем-то другим, что не имело названия. Тяжестью на затылке. Или в груди. Или просто осознанием, что что-то началось, что отсчёт идёт, и никакое -нет- его не остановит.

На следующее утро в кармане куртки не оказалось ничего. Ни телефона — он нашёлся на подоконнике дома. Ни рулетки — она была в машине, где я её не оставлял. Ни чеков, ни монет, ни визитки. Чисто. Как будто карман всегда был пуст.

Я простоял у куртки минуты три. Потом надел её и поехал на участок.

Глава 3. Библиотека движущихся полок

16 мая 2024, 09:17. Меркурий директный в Тельце, Солн-

це трин Плутон. Прогрессивная Луна в 3-м доме.

Дверь в третью комнату была сделана из другого дерева, чем все предыдущие. Не сосна, не берёза — что-то тёмное, с крупной текстурой, тяжёлое так, что петли пришлось ставить усиленные. Я сам выбирал материалы по спецификации клиента, и эта позиция в списке просто говорила -тёмный дуб, не крашенный, с масляной пропиткой-, без объяснений. Я не спросил. К тому моменту я уже перестал спрашивать о вещах, которые можно принять как данность.

Комната дышала. Это не метафора, хотя я понимаю, что звучит именно так. Первые несколько секунд после того, как дверь открылась, я стоял в дверном проёме и физически чувствовал, как воздух внутри движется — медленно, ритмично, в одном направлении, потом в другом. Давление чуть менялось. Уши закладывало, как в самолёте при снижении, потом отпускало. Я подумал — вентиляция. Я сам проектировал вентиляцию этого дома, и в третьей комнате она была стандартной, без особенностей. Но воздух двигался иначе, чем в трубах. Медленнее. Глубже. Как дыхание очень большого спящего существа.

Полки стояли вдоль всех четырёх стен, от пола до потолка, — четыре метра высоты, стремянка на роликах, как в старых университетских библиотеках. Но полки не стояли. Они

скользили. Беззвучно, по рельсам, которые я сам монтировал и которые сделал точно по техническому заданию, не задумываясь о смысле: -Система подвижных стеллажей с электроприводом, скорость перемещения — медленная, хаотичный алгоритм, без заданного цикла-. Хаотичный алгоритм. Я тогда решил, что это для эффекта, для атмосферы. Что-то архитектурное, интерактивное, как в современных музеях.

Теперь я стоял внутри, и полки двигались вокруг меня, и это не казалось ни архитектурным, ни интерактивным. Это казалось живым.

Книги на полках были разные — по виду. Какие-то старые, в кожаных переплётках с тиснением, корешки тёмные и потёртые. Какие-то новые, с яркими обложками. Какие-то вовсе без переплёта — просто стопки листов, перевязанных бечёвкой. Я попытался прочитать названия. Это оказалось трудно: полки двигались, и к тому времени, как я успевал сфокусироваться на корешке, он уже уплывал. Но несколько я всё-таки разобрал.

-Послания, которых ты не отправил-.

Толстый том в синем переплёте. Я остановился и потянулся — полка качнулась, ушла вбок, прежде чем я дотянулся. Но название я прочитал точно.

-Разговоры с братом, которого у тебя нет-.

Тонкая брошюра, почти тетрадь. Беловатая обложка. Я не успел ни к ней, ни к следующей, которую успел только начать читать: -Слова, застрявшие в горле на углу...- — и дальше полка ушла, и я потерял строку.

Я стоял посреди комнаты, и полки двигались вокруг меня по своей невидимой логике, и я чувствовал себя человеком, которому нужно что-то сообщить, но он не знает языка, на котором с ним говорят.

— Третий дом — коммуникация.

Клиент вошёл сзади. Я не слышал, как открылась дверь. Просто в какой-то момент он оказался здесь — стоял чуть левее и сзади, руки в карманах, как всегда.

— Близнецы. Меркурий. Всё, что мы говорим и не говорим. Всё, что могли бы сказать и не сказали. Всё, что сказали и не должны были.

Голос у него был сегодня другим. Не хуже, не лучше — другим. Более сухим, что ли. Как бывает у людей, которые долго молчали перед тем, как заговорить.

— Зачем движущиеся полки? — спросил я.

— Потому что коммуникация не стоит на месте. Слово, которое ты не можешь поймать сейчас, поймаешь потом. Или нет. Третий дом не обещает, что ты всё успеешь прочитать.

Солнце в этот момент пробилось в окно — весеннее, уже почти летнее, жёсткое — и упало на нас обоих. Я увидел свою тень на полу. Тёмную, чёткую, немного вытянутую. Потом посмотрел на него.

Тени не было.

Я смотрел несколько секунд, убеждаясь, что не ошибаюсь. Солнце падало прямо. Пол был деревянным, светлым, тень бы была видна отлично. Его не было.

— Сколько вам лет? — спросил я. Это был не тот вопрос, который я хотел задать, но тот, который вышел.

— Тридцать три. — Он не посмотрел на меня. Смотрел на полки. — Возвращение прогрессивной Луны. Полный цикл. Двадцать девять с половиной лет — один круг. Потом ещё три с небольшим — и Луна возвращается туда, откуда нача-

лась. В тридцать три — новое рождение. Или конец. Зависит от того, успел ли ты что-то понять в первом цикле.

— Вы успели?

Пауза. Долгая, такая, что полки за это время сделали половину оборота.

— Нет. Поэтому я здесь.

Он протянул мне книгу. Не снял с полки — просто достал из кармана пальто, хотя книга была слишком большой для любого кармана. Я взял её автоматически, не думая.

Обложка была светлой, почти белой. Без названия снаружи. Я открыл.

На титульном листе — мой почерк. Я узнал его сразу и не сразу поверил: размашистые -г- и -д-, -р- с петлёй, буква -н- чуть наклонена влево — это был мой почерк, только аккуратнее, чем обычно, как бывает, когда пишешь медленно и думаешь о каждом слове.

-Дневник архитектора, никогда не написанный-.

Я перелистнул на случайную страницу. Числа вверху: -18

мая 2024-. Сегодня было шестнадцатое.

-Третий дом-, — было написано дальше. — -Я понял сегодня, что строю не для него. Я строю для себя. Он — только дверь. Способ, которым это место позволило мне войти. Двери не обязаны знать, кто через них проходит-.

Я поднял взгляд.

— Сегодня шестнадцатое, — сказал я. — Это невозможно.

— Близнецы не знают разницы между было и будет. — Он взял книгу из моих рук — мягко, без усилия, — убрал обратно в карман. — Меркурий — трикстер. Планета посредников, перевозчиков, торговцев. Тот, кто ходит между мирами, не привязан ни к одному из них. Время в третьем доме — договорное. Можно прочесть будущее. Можно забыть прошлое. Зависит от того, какой договор ты заключил и с кем.

— Я не заключал никакого договора.

— Ты начал строить. Это и есть договор.

Полки остановились. Не на долго — на несколько секунд, но это было так неожиданно, что я обернулся. Все полки за-

мерли одновременно, как будто кто-то нажал паузу. И в этой паузе я увидел на третьей полке слева книгу с именем на корешке. Не моим именем. Его — -Леонов А.В.- — и под именем цифры, которые я не успел прочитать, потому что полки снова пришли в движение.

Я шагнул к ней. Полка ушла вбок. Я обошёл — другая полка перегородила путь. Я попытался дотянуться вверх — книга оказалась слишком высоко. За те несколько секунд, пока я добирался до нужного места, книга переместилась ещё раз и теперь была где-то в правой части зала, среди корешков, которые я не мог разобрать.

— Не читай мёртвых, — сказал клиент из-за моего плеча.

— Почему?

— Они всегда врут. Не намеренно. Просто мёртвые знают только то, что было. А прошлое всегда немного неправда — потому что его помнит живой, и живой уже не тот, кем был, когда это случилось.

Я обернулся. Смотрел на него. На место, где должна была быть тень.

— Вы умерли? — спросил я.

Это был прямой вопрос. Дурацкий, буквальный. Но он вышел именно так.

Долгое молчание. Полки двигались. Книги плыли мимо, и я чувствовал лёгкое движение воздуха от их прохождения — как от крыла птицы.

— Три года назад, — сказал он наконец. — Двадцать первого марта. В день весеннего равноденствия. Когда Солнце вошло в Овен и началась точка отсчёта нового цикла.

— Как?

— Здесь. В двенадцатой комнате. Которой тогда ещё не было. Но место уже было. Поле было. Фундамент ещё не был заложен, но земля уже знала, что здесь будет. Земля знает раньше.

— Вы физически...

— Да.

Одно слово. Без объяснений. Без интонации.

Библиотека пришла в движение. Не полки — всё. Книги

начали падать с полок сами — не падать даже, а вылетать, как будто их выталкивало изнутри. Они падали на пол, открытые, страницы разлетались. Некоторые страницы отрывались совсем и кружились в воздухе, и я понял, что это не случайное кружение — они складываются. Буквально: страницы в воздухе сворачивались, складывались, ложились на пол в определённом порядке. Медленно, неотвратно. Слово за словом.

Я смотрел на пол.

-ТЫ СТРОИШЬ МОЙ ПУТЬ НАЗАД-

Большими буквами. Из фрагментов страниц.

Я поднял глаза. Клиент стоял у стены — у той, в которую упиралась полка с его именем. Он смотрел на надпись на полу. Выражение его лица было не испуганным. Не торжественным. Усталым. Как у человека, который давно знал, что это напишут, и теперь просто ждал, пока это случится.

— Вы знали, что я это построю? — спросил я.

— Ты единственный, кто мог. — Он поднял взгляд. — Наша синастрия. Я объясню позже, в седьмом доме. Сейчас не время. В третьем доме — не про почему. Про как.

— Как вы со мной говорите, если вы мертвы?

— Меркурий — посредник. Он ходит между мирами. Психопомп. В третьем доме — его территория. Здесь слова преодолевают расстояния, которые другие считают непреодолимыми. Расстояние между живым и мёртвым — просто расстояние. Меркурий знает дорогу.

Он подошёл к двери.

— Двадцать восемь дней, — сказал он, не оборачиваясь. — Читай. Не выбирай — читай что попадётся. Третий дом не терпит избирательности. Он хочет, чтобы ты слышал всё. Потом выберешь, что сохранить.

Дверь открылась. Закрылась.

Я остался один с движущимися полками и надписью на полу, которая начала рассыпаться, как только он вышел: страницы разлетелись, книги на полу закрылись, лёгкий сквозняк разнёс листы по углам. Через несколько минут пол был просто полом. Только в одном углу осталась одна страница — отдельная, без книги, без контекста. Я поднял её.

Написанное от руки. Не моим почерком, но знакомым —

я не мог вспомнить, чьим.

-Всё, что мы не сказали, становится архивом. Архив растёт. Когда он становится больше нас самих, мы называем это прошлым. Когда прошлое становится больше будущего, мы называем это смертью. Но архив не умирает. Он ждёт читателя-.

Я сложил страницу. Убрал в нагрудный карман. Пошёл к ближайшей полке и взял первую попавшуюся книгу.

-Инструкция по применению тишины. Для тех, кто разговаривает слишком много или слишком мало-. Без автора.

Я сел на пол, прислонившись к стене. Открыл.

Двадцать восемь дней я читал.

Первые несколько дней это было нормальным чтением — я брал книгу, читал, клал, брал следующую. Полки продолжали двигаться. Книги продолжали появляться и исчезать. Некоторые я успевал прочитать до конца. Некоторые — только начать. Некоторые открывал на середине и не мог понять, с чего они начинались: контекст отсутствовал, персонажи появлялись ниоткуда, разговор шёл в середине — и это было нормально, потому что третий дом, как объяснил

клиент, не обязывает читать с начала.

Книги были странными.

Не в смысле жанра — в смысле содержания. Они были написаны про людей, которых я не знал, но узнавал. Мужчина, который хотел позвонить отцу и не позвонил за три дня до того, как тот умер. Женщина, которая знала правду о муже и молчала семь лет, потому что правда требовала действия, а действие — сил, которых не было. Ребёнок, который придумал целый язык для разговора с воображаемым другом, а потом вырос и забыл все слова, кроме одного, которое значило -помоги-.

Я читал и не мог понять, документальное это или выдуманное. Не мог понять, потому что разница перестала казаться важной. Важно было другое: что во всех этих историях был момент — один конкретный момент, — когда человек мог что-то сказать. Мог открыть рот, подобрать слова, передать. И не сделал. По разным причинам — из страха, из лени, из ложной деликатности, из привычки молчать, из убеждения, что слова всё равно не дойдут. И потом этот момент закрывался. И человек жил дальше с закрытым моментом внутри.

Библиотека была полна закрытых моментов.

На восьмой день я нашёл письмо. Не в книге — отдельное, лежало на полу между двумя полками, как будто случайно упало. Конверт без марки, без адреса, запечатанный. На конверте — ничего. Я взял. Держал несколько минут. Потом открыл.

Внутри — один лист. Мой почерк. Но я не писал этого. Я был уверен, что не писал.

-Мне жаль, что я не умею объяснять, когда мне плохо. Я знаю, что это выглядит как безразличие. Это не безразличие. Это страх, что объяснение ничего не изменит. Что слова уйдут в воздух и там умрут. Мне жаль, что я заставлял тебя догадываться. Мне жаль, что ты устала догадываться. Мне жаль, что я не написал это раньше-.

Без подписи. Без адресата. Просто — мой почерк. Мои слова. Те, которые я никогда не писал, но мог бы написать. Которые, возможно, должен был написать. Кому — я не знал. Их было несколько человек. Мать. Коллега, с которым поссорился пять лет назад из-за проекта и не помирился. Женщина, имя которой я старался не вспоминать.

Я сложил письмо. Убрал обратно в конверт. Положил в карман.

На четырнадцатый день я заметил кое-что в алгоритме движения полок.

Я думал, что он случайный — хаотичный, как было написано в техническом задании. Но за две недели наблюдения я начал видеть закономерность. Не цикл — закономерность другого рода. Полки двигались иначе, когда я приближался к определённым книгам. Медленнее — когда книга была чем-то, что мне нужно было прочитать. Быстрее — когда я пытался достать что-то не то. Как будто алгоритм учитывал меня. Подстраивался.

Я не мог этого доказать. Не было способа проверить. Но я начал следовать этому ощущению — брал только те книги, к которым полка приближалась сама, медленно, будто предлагая. И тогда чтение изменилось.

Стало точнее.

Книги, которые приходили сами, говорили о вещах, о которых я не думал сознательно, но которые оказывались важными. О том, как язык формирует восприятие задолго до того, как мы это осознаём. О том, что первые слова, которые ребёнок слышит о себе, становятся структурой, на которой потом строится всё остальное. О том, что молчание — не от-

сутствие коммуникации. Молчание — очень специфический вид сообщения. Самый трудно расшифровываемый, потому что у него нет единственного значения.

Я читал о глухих и слепых. О языках жестов, которые не являются переводом звуковых языков, а являются отдельными системами со своей грамматикой. О том, что дети, выросшие в полной тишине, не безмолвны внутри: они создают собственные системы, если рядом есть кто-то, с кем можно общаться.

Я читал письма. Много писем. Из разных эпох — некоторые написаны почерком XIX века, некоторые напечатаны на машинке, некоторые — явно с экрана, с опечатками и смайлами, которые кто-то от руки воспроизвёл на бумаге. Письма объединяло одно: они все были написаны и не отправлены. В каждом — в конце или в начале, иногда на полях — стояла пометка: -не отправлено-. Или -не отправила-. Или просто дата отправки, которая никогда не наступила.

На двадцатый день я попробовал написать что-то сам. Открыл блокнот, который носил с собой. Поставил ручку на бумагу.

Ничего.

Не потому, что нечего было сказать. Потому что всё, что хотело выйти, застревало где-то между намерением и словом. Я сидел с ручкой над бумагой и понимал, что не умею писать так, как пишут в этих книгах. Не умею передавать напрямую. Всегда — через профессиональный язык: -проект-, -спецификация-, -концепция-, -функция-. Язык, в котором нет места для -мне жаль- или -я не умею объяснить-.

Я закрыл блокнот.

Клиент приходил несколько раз. Не каждый день — через день, иногда через два. Он не читал сам. Ходил между полками — медленно, иногда останавливался, касался корешков пальцами, не вытаскивая. Иногда говорил. Иногда молчал. Когда молчал, молчание было другим, чем моё: его молчание казалось намеренным, содержательным, как пауза в музыке, а не как пробел между нотами.

Однажды — на семнадцатый или восемнадцатый день — он остановился рядом и сказал:

— Меркурий директный сейчас. Это значит — слова идут вперёд. Без петель назад. Пользуйся.

— Как?

— Говори вслух. Хотя бы что-нибудь. Третий дом хочет, чтобы ты практиковал передачу. Не запись — передачу. Слово должно покинуть тебя. Дойти до воздуха.

— Здесь некому говорить.

— Книги слушают.

Я посмотрел на полки. Подумал — это звучит безумно. Но я уже двадцать с лишним дней провёл в комнате, где полки двигались сами и тени у некоторых посетителей не было. Безумие как категория переместилось куда-то на периферию.

— О чём говорить?

— О том, что не сказал. Третий дом — про это.

Он ушёл. Я остался.

Сел в центре комнаты на полу. Полки двигались вокруг. Молчал несколько минут. Потом открыл рот.

— Я не позвонил матери за три недели до того, как она умерла. Не потому что забыл. Потому что последний разговор был неловким, и я думал — ещё позвоню, найду момент

удобнее. Момента не нашлось.

Слова вышли в воздух. Некрасиво — запинаясь, не той интонацией, которую я предполагал. Но вышли.

Полки замедлились.

— Я не знаю, слышала ли она меня на похоронах. Я ничего не сказал вслух. Думал — она знает. Она не могла не знать. Но -знает- и -услышала- — это разные вещи, как выяснилось. Только здесь.

Тишина. Книги на полках — неподвижные, в первый раз за много дней полностью неподвижные.

— Это всё, — сказал я. — Пока всё.

Полки снова пришли в движение. Но тише, чем раньше. Как будто что-то отрегулировалось.

На двадцать пятый день одна из полок принесла мне книгу сама — подошла вплотную и остановилась. Книга стояла на уровне глаз. Я взял её. Старая, в тёмно-красном переплёте. На корешке — ничего. На обложке — тоже. Я открыл.

Внутри — только одна фраза на первой странице:

-Архитектура — это коммуникация. Каждое здание говорит. Вопрос: кто слушает-.

Больше ничего. Остальные страницы — пустые.

Я закрыл книгу. Сидел с ней на коленях. Думал о третьей комнате — о том, что я сделал её именно так, как было сказано в задании: подвижные полки, книги, электропривод, рельсы. Я думал об этом как об инженерной задаче. Как о пространстве для хранения и поиска информации.

Но здание говорило. Я только сейчас это понял. Или — начал понимать. Каждый дом, который я построил в своей профессиональной жизни, что-то говорил людям, которые в него входили: о том, как они должны двигаться, где останавливаться, что замечать. Архитектура — предложение. Иногда приказ. Иногда вопрос. Всегда — сообщение от того, кто проектировал, к тому, кто живёт.

Я никогда не думал, что именно сообщают мои здания. Думал о функции, о конструкции, о заказчике. Не о том, что здание говорит тому, кто приходит сюда каждый день.

-Кто слушает-.

На двадцать восьмой день я пришёл в библиотеку последний раз.

Клиент уже был там. Стоял у восточной стены, где полки сегодня не двигались — стояли плотно, неподвижно, как обычные библиотечные стеллажи. Я сел.

— Что вынес из третьего дома? — спросил он.

Я подумал. Не торопился.

— Я разучился говорить вслух, — сказал я наконец. — Всё, что я хотел сказать, я теперь слышу внутри, но, когда пытаюсь передать — оно меняется. Теряет что-то. Я не знаю, как передавать точно.

— Никто не знает. Это и есть третий дом. — Он повернулся ко мне. — Меркурий не обещает точности. Он обещает попытку. Главное — чтобы слово вышло. Дошло или нет — не твоя область.

— Тогда зачем пытаться?

— Затем, что, не попытавшись, точно не дойдёт.

Он подошёл к ближайшей полке. Вытащил книгу — ту

самую, в тёмно-красном переплёте, пустую изнутри, кроме одной фразы.

— Возьми с собой, — сказал он. — В четвёртый дом.

— Там нужна архитектура?

— Там нужны корни. Возьми с собой то, что ещё не сказал. Четвёртый дом — для мёртвых и для тех, кто помнит мёртвых. Там слова работают иначе. Там не нужна точность. Там нужна только правда.

Я взял книгу. Встал.

Полки вдруг остановились — все, разом. Последний раз за двадцать восемь дней. В тишине я слышал только собственное дыхание. И понял, что за этот месяц разучился говорить вслух, но научился слышать тишину. Слышать, что она содержит. Что она не пустая — она полна словами, которые ещё не нашли формы. Или уже нашли и никуда не отправились.

Прогрессивная Луна тронулась дальше. Я это не видел — но почувствовал. Что-то в воздухе комнаты изменилось, как меняется давление перед дождём: незаметно, но тело знает.

— Четвёртый дом — под землёй, — сказал клиент. —
Вниз.

— Я знаю, — ответил я. — Я его строил.

Это была правда. Я проектировал его — подземный, со спуском по лестнице, с влажными стенами, которые я попросил не утеплять. С запахом земли, который должен был оставаться. Я строил его и думал: странное техническое задание. Теперь я думал: я строил место, куда надо будет спуститься и встретить что-то, что я не успел сказать мёртвым.

Я вышел из третьей комнаты. Закрыв за собой тёмную дубовую дверь.

В коридоре было тихо. Полки за дверью снова пришли в движение — я слышал лёгкий шелест. Книги плыли по своим рельсам, продолжая хранить всё, что не было сказано. Архив рос.

Я спустился по ступеням к четвёртой двери.

Глава 4. Корни под полом

13 июня 2024, 18:33. Солнце в Близнецах, Луна в Раке со-
единение Асцендент. Прогрессивная Луна входит в 4-й дом.

Лестница начиналась за дверью, которую я сам выбирал. Это важная деталь — не художественная, а буквальная: в спецификации значилось -дверь в подземный уровень, материал по усмотрению архитектора-. Единственный раз за весь проект, когда клиент дал мне свободу выбора без ограничений. Я выбрал сосну. Не знаю почему — сосна мягче, чем дуб, не такая долговечная, дешевле. Но рука потянулась к ней в каталоге, и я не стал противиться. Только потом, стоя у готовой двери, понял: сосна пахнет. Особенно в первые годы. Живой, смоляной запах, который напоминает лес и детство и что-то ещё, для чего нет точного слова.

Дверь открывалась внутрь. Вниз уходила лестница — винтовая, с деревянными ступенями. Я проектировал её с учётом строительных норм, считал нагрузку и шаг ступени, проверял уклон. Но когда я спустился впервые, лестница ощущалась иначе, чем я её построил. Она ощущалась длиннее. Не геометрически — я знал, что оборот составляет двенадцать ступеней, и подземный этаж уходит на три с половиной метра. Но ноги шли дольше, чем это расстояние требовало. Как будто каждая ступень добавляла что-то помимо высоты.

Стены лестничного пролёта были влажными. Это тоже было в задании — -не утеплять, не гидроизолировать, дать земле дышать-. Я спорил. Я говорил, что плесень, что сы-

рость, что конструктив пострадает. Клиент слушал, кивал и повторял: -Дайте земле дышать-. Мы дали. И запах стоял особенный — не застойный, не затхлый, а живой. Глубокий. Тот самый запах, который бывает после дождя, когда сухая земля наконец получает воду и выдыхает всё накопленное. Запах, который я помнил с детства, хотя не смог бы назвать, где именно его впервые почувствовал.

Потом — на пятой ступени, или на шестой — к этому запаху добавился другой. Я остановился. Нога зависла в воздухе. Мозг работал: что это? Лук. Морковь. Что-то медленно варящееся на огне — с лавровым листом, с перцем горошком. Борщ. Именно борщ, потому что другого слова для этого сочетания не существует, хотя борщ бывает разным и у каждого борщ немного свой, и этот был именно тем — с кислинкой, с густотой, с той особой сладостью, которую даёт свёкла, долго варившаяся в бульоне.

Бабушкин борщ.

Я не думал об этом тридцать лет. Не в смысле, что избегал думать, — просто не приходило. Она умерла, когда мне было девять. Я помнил её смутно: большие руки, очень тёплые, и смех, который начинался в животе. Больше почти ничего конкретного. А запах — оказалось, помнил точно. Тело помнило, хотя сознание и не знало.

Я спустился.

Комната была кухней.

Не современной — никакого гарнитура, никакой техники. Просто кухня: большой деревянный стол посередине, накрытый белой скатертью, два стула, плита в углу — старая, на ножках, эмалированная, с двумя конфорками. На плите — кастрюля. Кастрюля была горячей: от неё шёл пар.

Стол был накрыт на двоих. Две тарелки, две ложки, хлеб — нарезанный, уже, кусками, чуть неровно, как режут хлеб, когда не думают о красоте. Тарелки пустые. Но запах наполнял комнату целиком, как наполняет звук большое пространство — не из одной точки, а отовсюду.

Я смотрел на этот стол. Я знал, что сам проектировал этот этаж. Знал, что в чертежах стояло -помещение без назначения, свободная планировка-, что стены я закладывал голые, что никакой мебели не предусматривалось. И тем не менее стол стоял, скатерть лежала, хлеб был нарезан.

У плиты стояла женщина. Спиной ко мне.

Небольшого роста. Круглые плечи. Волосы убраны назад,

закреплены чем-то — я не видел чем. Руки в муке, хотя кастрюля с борщом не требовала муки — значит, параллельно что-то ещё. Фартук с цветочным узором, выгоревший, когда-то, видимо, яркий. Сейчас — серовато-розовый.

Я не мог видеть её лица. Не было нужды.

— Ты опоздал, милый, — сказал голос. Не обвиняющий — просто констатирующий, как говорят о погоде. Ты опоздал. Это факт. Не трагедия, не претензия. Факт, с которым будем работать.

— Я знаю, — сказал я.

Она обернулась.

Лицо было именно таким, каким я его помнил — или каким оно сложилось из фрагментов памяти, которые тело хранит точнее, чем сознание: широкие скулы, добрые глаза с морщинами в уголках, нос немного вздёрнутый. Тёплое лицо. Лицо человека, который много смеялся и не стеснялся этого.

— Садись, — сказала она. — Борщ стынет.

Я сел. Тарелка наполнилась — я не видел как, просто в

какой-то момент она оказалась полной. Глубокого красного цвета, с белым пятном сметаны в центре, с тёмным блеском жира на поверхности.

Я взял ложку.

Суп был горячим. Не обжигающим — именно горячим, в той точке, когда можно есть, но нужно дуть. Я дул. Ел медленно. Молчал.

Бабушка сидела напротив. Её тарелка оставалась пустой — она не ела, просто сидела, сложив руки на столе, и смотрела на меня. Не пристально — спокойно. Как смотрят на человека, которого долго не видели и которому не нужно ничего объяснять.

Суп был солёным. Не пересоленным — именно таким. Но к концу тарелки я понял, что солёность другая. Не соль. Что-то другое, что солонее обычного, — слёзы, видимо, хотя я не плакал. Или плакал и не замечал. Так бывает — слёзы выходят сами, без решения, и ты узнаёшь об этом постфактум, когда обнаруживаешь, что щёки влажные.

— Она умерла хорошо? — спросил я. Имел в виду мать. Бабушка поняла.

— Хорошо, — сказала она. — Дома. Не одна.

— Меня не было.

— Ты был в другом месте. Она знала.

— Она не знала. Я не сказал ей, где буду.

— Дети не говорят матерям, где они. Матери знают сами. Это устроено именно так.

Я не был уверен, что это правда. Но спорить с мертвой бабушкой в подземной кухне казалось неуместным — не потому что страшно, а потому что незачем. Она говорила то, что ей нужно было сказать. Я слушал то, что мне нужно было услышать.

— Четвёртый дом — корни.

Голос шёл из угла, где стояла печка. Это был отдельный угол — не тот, где плита. Маленькая изразцовая печь, какие бывают в старых домах, с цветными плитками, с дверцей поддувала. Я не проектировал её. Она просто была.

Клиент стоял рядом с ней — или в ней, потому что для его фигуры места там не было, печь занимала угол полностью.

Но он стоял. Пальто как всегда, руки в карманах.

— Рак, — сказал он. — Луна. Дно неба. IC — Imum Coeli — нижняя кульминация. Самая скрытая точка карты. То, что под нами. То, что нас держит, не спрашивая разрешения. Корни не ждут, пока ты решишь их пустить. Они уже там.

— Откуда вы здесь? — спросила бабушка, глядя на него без удивления.

— Я — из двенадцатой комнаты, — ответил он. — Вы — из четвёртой. Мы пересекаемся только здесь.

Бабушка кивнула. Как будто это всё объясняло.

— Вы жили здесь? — спросил я клиента.

— Никто здесь не живёт. — Он смотрел на печку, а не на меня. — Четвёртый дом — место, куда возвращаются умирать. Или чтобы родиться заново. Зависит от того, что с собой принёс.

— Что нужно принести?

— Память. Только её. Четвёртый дом — единственный, куда деньги не берут. Знания не берут. Достижения — тем

более. Только память. И то, что в памяти правда, а что нет — разберётся само.

Я посмотрел на пустую тарелку. Борщ закончился. Бабушкины руки снова были в муке — она месила что-то на краю стола, не глядя на нас.

— Вы жили здесь в детстве? — спросил я клиента. — В таком доме?

Долгая пауза. Дольше обычного.

— Нет. Я жил в квартире. Восьмой этаж. Вид на дорогу. Мать работала в ночь. — Он помолчал. — Но четвёртый дом — не про жильё. Про то, что жильё сделало с тобой. Что вошло в тебя через стены. Через запахи. Через звуки, которые ты слышал, засыпая. Через то, что говорили взрослые, думая, что ты уже спишь.

Я понял, что он говорит. Восьмой этаж, вид на дорогу, мать в ночную смену. Я слышал это как список условий, но за каждым словом стояло что-то, что не умещается в архитектурные термины: одиночество определённого качества, которое бывает только в детстве, когда ты один в квартире и не знаешь ещё, что взрослые тоже умеют бояться темноты.

На стенах появились фотографии.

Я не заметил когда. В какой-то момент просто поднял взгляд — и они были. Рамки разные: деревянные, металлические, одна — просто снимок, приклеенный прямо к штукатурке. Чёрно-белые и цветные, новые и старые, некоторые пожелтевшие по краям.

Я начал рассматривать их.

Моя семья — я узнал её сразу. Отец в молодости, лет двадцати пяти, улыбается чему-то за кадром. Мать в свадебном платье — фото, которое я видел у неё дома в альбоме: платье не белое, а светло-синее, потому что -так было принято, и белое слишком пышно-. Я сам — лет четырёх, с лопаткой в руке, на фоне чего-то, что я не могу опознать: может, дача, может, чужой двор.

И рядом — другие. Незнакомые лица, но чем-то похожие. Женщина лет пятидесяти, смотрит прямо в камеру, без улыбки, с выражением человека, который понимает, что фотография — документ. Мужчина в пальто — похожем на то, что носит клиент. Девочка с косами. Маленький мальчик, который держит за руку кого-то, кого нет в кадре: рука есть, человека нет.

Фотографии смешивались. Рамки стояли вплотную, без промежутков, и в какой-то момент я заметил, что границы между чужим и своим размылись. Мой отец стоял рядом с незнакомой женщиной, и они смотрели в одну сторону — не друг на друга, а куда-то за кадр, где происходило что-то, что их обоих интересовало. Моя мать держала за руку девочку с косами — девочка прижималась к ней, как прижимаются к близким.

— Это его семья? — спросил я.

— Синастрия, — сказал клиент из своего угла. — Переплетение карт. Наши Луны в одном градусе. Когда Луны в одном градусе — корни переплетаются. Не всегда видно снаружи. Только здесь, в четвёртом доме, где всё, что было под землёй, выходит на поверхность.

Я встал. Подошёл к стене ближе. Нашёл фотографию, где мой отец и незнакомая пожилая женщина сидели за столом — похожим на этот, прямо за этим столом, возможно. Смотрел на её лицо. Что-то в нём было от клиента — не черты, что-то другое. Посадка плеч. Усталость вокруг глаз.

— Это ваша мать? — спросил я.

— Была, — сказал он.

— Она умерла в феврале. Вы говорили — почтовый ящик.

— Да.

— Вы так и не открыли?

— Нет.

Я смотрел на её лицо на фотографии. Думал о ключах, которые он положил в центральный сейф во втором доме. О том, что среди них был ключ от её почтового ящика. Положил и запер. Научился, что обладание — иллюзия. Или пытался.

— Что в нём? — спросил я. — В ящике.

Молчание.

— Наверное, ничего, — сказал он наконец. — Наверное, реклама и счета за коммунальные услуги. Но пока я не открыл — там могло быть что угодно. Это была единственная точка, где неопределённость оставалась. Пока ящик закрыт — она могла оставить что-то. Могла не оставить. Коридор между возможностями.

Я понял это. Я понял это очень точно, хотя у меня не было незакрытых ящиков. У меня были незадаанные вопросы и незавершённые разговоры — примерно то же самое.

Корни появились на третьей неделе.

Сначала — тонкие, как волосы, через трещины в полу. Я не испугался — я заметил и подумал: влажность, плесень, биология. Потом понял, что это не плесень. Настоящие корни — беловатые, с тёмными прожилками, гибкие. Они выходили из-под половых досок и тянулись медленно, почти незаметно, пока я не смотрел.

К концу второй недели корни добрались до ножек стола. Обвили их — не агрессивно, скорее мягко, как обвиваются объятия. Стол, казалось, этому не противился. Стул, где сидела бабушка, тоже был оплетён, но она не замечала или не считала это важным. Продолжала месить тесто. Иногда говорила что-то — не всегда мне, иногда себе или кому-то третьему, которого я не видел.

Я наблюдал. Не пытался остановить, не пытался убрать. Помнил: четвёртый дом — не про контроль. Если в третьем нужно было говорить, то здесь нужно было что-то другое. Я ещё не знал точно, что, но корни, кажется, знали.

На двадцать первый день они добрались до моих ног.

Я сидел за столом — уже привычно, как за рабочим местом — и смотрел на фотографии, пытаясь разобраться в системе их расположения. Была ли это система или случайность. Почему рядом оказывались определённые лица. Я искал логику. Третий дом приучил меня читать — четвёртый предлагал что-то другое. Чувствовать, может быть. Но я не очень умел.

Когда корни коснулись щиколоток, я вздрогнул. Не от боли — от температуры. Они были тёплыми. Земляными, живыми. Они обвили щиколотки без усилия, как обвивают руку, которую берут, а не хватают.

Я посмотрел вниз.

Не дёрнулся, не встал. Это было важно — я понял это в момент: дёрнуться или встать означало что-то разрушить. Что-то, что предлагалось.

Я сидел. Корни держали. Не сильно — как держат, чтобы напомнить: ты на земле. Под тобой есть что-то. Это что-то тебя знает.

Бабушка умерла, когда мне было девять. Я плохо помнил

похороны — смутно: запах цветов, много незнакомых людей, кто-то давал мне что-то сладкое, чтобы я не плакал, и я не плакал, потому что не понимал. Девять лет — понимаешь умом, но не понимаешь телом. Тело понимает потом, спустя годы, когда уже не плачут и не принято.

Мать умерла пять лет назад. Я был в командировке. Успел приехать к похоронам, не успел — раньше. В последний раз мы говорили за три недели до. Разговор был обычный: как дела, как работа, нормально, нормально. Ни я, ни она не сказали ничего важного. Наверное, не ощущалось срочным. Наверное, казалось, что будет ещё время.

В четвёртой комнате это ощущалось иначе.

Не как вина — я успел проработать вину за эти годы, с разной степенью успеха. Как незавершённость. Как разговор, который прервали на середине — не потому что поссорились, а просто прервали, и больше не продолжили, и теперь непонятно, с чего начать. Непонятно, нужно ли начинать.

Бабушка однажды сказала мне — я сидел за этим столом, дней через десять после первого: — Ты похож на деда. Тот тоже всё держал внутри. Думал — крепость. На самом деле — тюрьма.

— Я не держу, — сказал я.

— Держишь. Просто привык, что больно только поначалу. Потом перестаёт болеть. Ты думаешь — прошло. Не прошло. Просто опустилось вниз.

Она кивнула на пол. Корни. Оплетали мои ступни к тому времени уже полностью.

— Вот куда опускается, — сказала она. — Вниз. В землю. Четвёртый дом — для этого. Не чтобы достать и выбросить. Чтобы знать, что там.

Я смотрел на её руки — они месили тесто неторопливо, ритмично. Тёплые руки, большие, в муке.

— Ты её любил? — спросила бабушка.

— Кого?

— Мать. Отца. Меня. Выбирай любого.

— Да.

— Говорил?

Молчание.

— Нет, — сказал я.

— Я знаю. Видно было. — Без осуждения. — Вы все такие в этой семье. Держите. Думаете — это и есть любовь: держать и не ронять. Но иногда нужно показать. Не ронять и не держать — показать. Это другое.

Я сидел с этим. Корни держали ступни. Что-то в груди стояло тяжело, без имени — не горе, не тоска, что-то, что сложнее назвать.

— Поздно теперь, — сказал я.

— Поздно говорить им. — Она посмотрела на меня прямо. — Не поздно знать самому. Что чувствовал. Что чувствуешь. Четвёртый дом не требует отчёта перед мёртвыми. Он требует честности перед собой. Это его урок. Рак — знак, который прячет, потому что боится быть отвергнутым. Панцирь. Но панцирь в конце концов мешает расти.

Клиент появлялся редко. Один раз в пять-семь дней, ненадолго. Не говорил много. Один раз пришёл, встал у стены с фотографиями, смотрел долго. Я не спрашивал на какую. Потом сказал:

— Наши Луны в одном градусе. Восемнадцатый градус Рака. Это не случайность в синастрии. Это называется -лунная связь- — сильнее, чем большинство аспектов. Два человека, у которых Луны в одном градусе, чувствуют одно и то же, но не знают, что у них источник общий. Думают — это просто похожесть. Это не похожесть. Это одна вода из одного колодца.

— Почему вы выбрали именно меня? — спросил я.

— Не выбирал. — Он не обернулся от фотографий. — Когда ищешь архитектора для такого дома — не выбираешь сознательно. Строишь на карты. Чья Луна в восемнадцатом Рака — тот и построит. Потому что только он почувствует, что здесь должно быть. Не придумает — почувствует.

— Я чувствовал только техническое задание, — сказал я.

— Ты думал, что чувствуешь техническое задание. На самом деле — это. — Он обвёл рукой комнату. — Корни. Запах. Стол. Ты выбрал сосновую дверь. Почему?

Я молчал.

— Потому что сосна пахнет. И ты знал это — не созна-

тельно, но знал. Тело архитектора знает материал раньше, чем голова объяснит почему.

Он ушёл. Бабушка заварила чай — я не видел когда, просто кружка появилась рядом с тарелкой. Горячая, с травами. Я взял. Пил.

На двадцать пятый день я попросил её рассказать о деде.

Она рассказывала долго. Не так, как рассказывают истории — с начала, с конца, со структурой. Как рассказывают человека: кусками, из разных времён, попеременно. Как он смеялся. Как злился. Как ел — жадно, с удовольствием. Как ухаживал — неловко, потому что не умел ухаживать. Как плакал один раз, когда думал, что она не видит — видела.

Я слушал. Я понял, что слушаю человека, которого не знал, — дед умер до моего рождения. Но слушая бабушку, я чувствовал что-то, что, видимо, чувствуют, когда узнают о корне дерева, которое уже спилили: дерева нет, но корень был — значит, держал.

— Он строил что-нибудь? — спросил я.

— Нет. Он был инженером. Мосты. — Она помолчала. — Говорил: мост — это вопрос. Ставишь два берега и спраши-

ваешь: могут ли они встретиться?

Я смотрел на неё.

— Ты строишь дома, — сказала она. — Это другой вопрос. Может ли человек быть в одном месте достаточно долго, чтобы пустить корни.

Корни держали мои ступни. Я больше не пытался их снять.

На двадцать восьмой день клиент пришёл рано — не в полдень, как обычно, а когда я только спускался. Сидел за столом на том месте, где обычно была бабушка. Бабушки не было — впервые за весь месяц. Стол накрыт на двоих, кастрюля на плите, запах такой же. Но её кресло пустое.

Я сел напротив.

— Она ушла? — спросил я.

— Четвёртый дом не держит вечно. — Он сложил руки на столе. — Мёртвые приходят, пока нужны. Когда своё сказали — уходят. Это не потеря. Это завершение.

— Она сказала мне про деда.

— Что она сказала?

— Что он строил мосты. И что мост — это вопрос.

Он кивнул. Медленно, как будто это ему что-то говорило.

— Четвёртый дом — дно. — Он посмотрел на фотографии. — Но дно — не тупик. IC — Imum Coeli — нижняя точка. Это то, откуда начинается рост. Корень уходит вниз не чтобы остаться внизу. Он уходит вниз, чтобы дерево могло расти вверх. Без дна нет высоты.

— Корни держат меня уже две недели, — сказал я.

— Я знаю. — Пауза. — Это нормально. Четвёртый дом не отпускает быстро. Он хочет, чтобы ты унёс кое-что с собой. Не как груз — как якорь. Разница важна.

— В чём разница?

— Груз тянет вниз. Якорь удерживает на месте — там, где ты стоишь. Ты теперь знаешь, где твои корни. Это не тюрьма. Это адрес. Если знаешь адрес — можно уйти и вернуться. Если не знаешь — либо остаёшься навсегда, либо уходишь и не можешь найти дорогу назад.

Я смотрел на пустое место, где сидела бабушка. Корни под ногами — ещё здесь, но тоньше, чем вчера. Или мне казалось.

— Что дальше? — спросил я.

— Пятый дом. — Он встал. — Наверх. Из земли — к солнцу. Из корней — к плодам. Пятый дом — это Лев. Творчество. Дети. Радость. После Рака — всегда Лев. Такова логика зодиака: сначала вниз, потом вверх.

Он поднялся по лестнице. Я остался ещё на несколько минут.

Сидел за столом в пустой кухне. Борщ в кастрюле остывал. Фотографии на стенах смешивались — я уже не пытался разобрать, где чья семья. Просто лица. Просто люди, которые были и которых нет, и которые тем не менее как-то присутствуют в том, что ты делаешь — в том, как ты держишь ложку, или почему выбираешь сосновую дверь вместо дубовой, или что тебя останавливает перед тем, как позвонить.

Корни — я почувствовал в какой-то момент — отпустили. Не все. Несколько тонких нитей осталось — они шли от ступней вниз, сквозь доски пола, в землю. Не держали. Про-

сто — были. Как нитка между двумя точками. Как напоминание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.